

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

JAMES SMYTHE

THE EXPLORER

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ДЖЕЙМС СМАЙТ

ИСКАТЕЛЬ

Перевод с английского:
Галина Соловьева

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
С50

James Smythe
THE EXPLORER

Originally published in the English language
by HarperCollins Publishers Ltd. under
the title The Explorer © James Smythe 2013

Translation © Ast Publishers Ltd 2026,
translated under licence from HarperCollins Publishers Ltd.

James Smythe asserts the moral right to be acknowledged
as the author of this work.

В оформлении обложки использована иллюстрация
Михаила Емельянова

Перевод с английского: *Галина Соловьева*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

ISBN 978-5-17-183934-5

© Галина Соловьева, перевод, 2026
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Часть первая

Я стремился не только зайти дальше, чем кто-либо до меня, но и дойти до предела возможного.

Капитан Кук

Поняв, что мне не вернуться домой — когда я остался один из команды, а остальные распиханы по стазис-капсулам, как застывшие куклы в вакуумной упаковке, — я первым делом составил список всех, кого больше не увижу: чтоб мне в нем купаться, плавать кругами, тоскуя по ним изо всех своих сил. Меня зовут Кормак Истон, я журналист и, пожалуй что, астронавт. В числе моих корабельных обязанностей было управление связью с родиной, съемка видео и запись новостей для прямой отправки на Землю. Никто не мог точно сказать, долго ли будут доходить наши передачи — если они вообще дойдут, учитывая расстояние и помехи, — но это было хоть что-то. Так я посылал свои доклады, полагая, что с личным они сами разберутся — передадут кому надо. Список вышел длинным. На самом верху была Елена. По ней я тосковал еще до отлета. В последние дни перед стартом пытался связаться с ней, посылал сообщения, рассказывал о своих чувствах, ведь что нас поссорило — эта моя работа, этот полет, и мне хотелось понять, нельзя ли, когда все будет позади, попробовать заново. Говорят, надежда умирает последней. А когда я сообщил, что надежды на примирение не осталось? Тогда пришло другое. Я по ней уже не тосковал — вместо того пришло отчаяние, или какое еще есть слово для того,

когда все разваливается, рассыпается и ты не справляешься? Я скрывал свои чувства от товарищей по команде, потому что не хотел испортить экспедицию, не хотел их обременять. Это попало в мои сообщения. Я говорил Елене, что скучаю по ней и всегда буду тосковать и что, если есть Бог, мы с ней еще встретимся, хоть я в это и не верю. Просто эти слова казались подходящими к случаю.

Кого я еще не увижу? Родителей, отца и мать. Родители у меня — были — учителями. Под конец жизни, уже на пенсии, мать ушла от отца, и тот решил полностью порвать со мной. В книгах пишут, что отвержение в семье часто бывает прямым результатом работы защитных механизмов психики, но он, мне кажется, просто искал предлога. Мы плохо ладили, и он, когда пропал, пропал насовсем. Не звонил поздравить с днем рождения, не писал — ничего. Я его больше пяти лет не видел. Не знаю, может, он уже умер. Иногда я так и думаю. Так проще, чем искать объяснений. Мать умерла полгода назад — что-то с сердцем, — и на похороны отец не пришел, не позвонил — ничего. Еще у меня был кот, хотя, когда я улетал, он куда-то запропастился — обычное дело, уложенный чемодан на кровати означал отпуск, и тогда он удирал, где-то прятался, мстил за непростительную измену. С уходом Елены, честно говоря, было довольно тяжело. Мои друзья жили далеко, и их дети, и работа, и разрыв с Еленой нас разделяли. И еще моя команда — та, с которой я стартовал, с которой начинал путешествие. Команда умирала по клочкам и каплям, по ниточке, по прядке — здесь, со мной. Моя команда — я никогда на самом деле не был одним из

них, даже после подготовки, потому что они понимали больше меня, понимали в технике. От них зависела экспедиция. А я был балластом. Штатские никогда не вписываются полностью; эти ребята готовились всю жизнь. Меня послали ради пиара; их — ради науки. Я мог бы возразить, что, как и они, гнался за приключением, за духом открытий — они бы, думаю, это поняли, но теперь уж им не скажешь. Они умирали один за другим, словно по списку. Первым ушел Арлен.

Арлен был первым пилотом, откуда-то со Среднего Запада — вроде бы из Огайо, но об Америке он говорил так, будто жил всюду разом, сыпал названиями больших и малых городков и о каждом находил что рассказать. Он был отличным рассказчиком, такой типаж, и несколькими годами старше остальных. Когда мы знакомились, был чисто выбрит, а в полете отрастил бороду — хотел посмотреть, что с ней станет в стазисе.

«Вдруг, — говорил он, — мы вырубимся, а она будет и дальше расти. Хочу разобраться, до какой степени нас на самом деле замораживают». Нам предстояло провести в заморозке всего две недели, но он сказал, что, если будет расти достаточно быстро, он заметит разницу. Ему казалось забавным, если он, раз поспав, из аккуратиста превратится в неряху. Он любил пошутить, этот Арлен. И умер в стазисе — или просто не проснулся, как ни поверни. Мы один за другим выходили из капсул, как на тренировках, и его очередь была первой, чтобы он все подключил, прогнал диагностику до выхода остальных, только его койка почему-то не раскрылась. Пока мы ее вскрывали, с ним было кончено. Видно, что-то случилось при старте, потому что, когда мы ложились, все

работало как надо: мы прогнали стресс-тесты, чтобы убедиться, а там чуть ли не защита от дураков стоит. Эти капсулы были задуманы как средство спасения на крайний случай, так что выход одной из строя не внушал нам уверенности. Все мы выходили из капсул мокрыми насквозь, потому что во сне ты потеешь, тело непрерывно теряет воду. Арлен был сухим, кожа болезненного голубовато-серого оттенка, сухая и жесткая, с нее отслаивались пыльные хлопья с ноготь величиной. Мы попробовали дефибриллятор, но без толку. Кожа потрескалась, и глаза высохли, как зефирины, и стало ясно, что остается только уложить его обратно и запечатать. Мы сказали несколько слов, уведомили Землю, кто-то поплакал, но для экспедиции, как сказал центр управления, это было не критично. Недаром мы не ограничились одним пилотом.

«Возможно всякое, — сказал нам центр управления. — Вас к этому готовили».

Второй умерла Ванда. Мы в шутку прозвали ее Юнгой, потому что ей доставалась вся мерзкая работа и она послушно исполняла все, что велит начальство. В том числе почему-то и я, хотя у меня не было официального ранга, но она вела себя так, будто был. Может, из уважения или по благовоспитанности. Не знаю. Ее завербовали прямо из университета Лиги Плюща, и вела она себя соответственно. Исполняла наши просьбы, но всегда как бы нехотя, и была кислой, грустной. Мы решили, что скучает по дому. Она тоже была американка (они с Арленом — американский контингент: первыми в бой, первыми в отпуск, как в анекдоте какой-то давней войны) и говорила с южным акцентом, хоть и уверяла,

что из Вашингтона. У нас с ней было кое-что общее — головные боли. У меня сильные головные боли при низкой гравитации — конечно, я об этом не знал, пока мы не взлетели. Думаю, такое изредка бывает у большинства. Все дело в давлении. У меня, пока мы не взлетели, голова никогда не болела, и у Ванды тоже. Нам с этим пришлось хуже всех — или мы сильнее других это чувствовали, поначалу, пока не привыкли. Ванда погибла вне корабля, в космосе. В скафандре была прореха или трещина, а мы ведь их столько раз проверяли и перепроверяли, что не поверили в ее гибель. Рутинный осмотр обшивки каждые несколько дней: мы вырубали тягу, проверяли, что все наружное оборудование в норме и корпус цел. Мы шли в новые районы космоса — первые, никто еще так далеко не заходил. С обшивкой могли возникнуть проблемы, и мы послали Юнгу — Ванду — проверить. Она была на страховке, а мы завтракали. Она вышла к верхней части корпуса, и трос натянулся, и она поплыла куда-то с полным шлемом крови, такой густой, что мы даже лица не видели. Пока мы тянули ее внутрь, у нее под веками лопнули глаза. Шлем просто залило, как батискаф, как аквариум для золотых рыбок. Она плотно закрыла рот, зажмурила глаза, как нас учили на случай разгерметизации, а вот ноздри... Ноздрей мы не учили. После Гай предложил нам всем затыкать ноздри берушами, но мы этого не делали, потому что понимали: если шлем подведет, никакие беруши не спасут.

Гай стал третьим. Он был немец, и звали его не так. По-настоящему его звали Герхард, но это из него пришлось силком тянуть, чуть не выбивать. Он сказал, что с детства не называл себя этим именем. Просто услы-

шав, и то злился. Гай ему больше подходило. Герхард — это какой-то толстяк, повар, суетливый усатый здоровила. Гай был не такой: шуплый, высокий и лысый, ни волосинки. Он был старшим из научных сотрудников и инженером. После смерти Ванды мы обсуждали, не повернуть ли обратно к Земле, независимо от разрешения центра, хотя еще неизвестно, удалось бы? Система не была рассчитана на разворот, пока не выгорит половина горючего, но Гай участвовал в разработке корабельных двигателей, он наверняка знал пароли для перепрограммирования системы и внесения поправок: смены координат и пункта назначения. Все было защищено паролями и протоколами, менять их мы не могли. Мы молча уложили тело Ванды в стазис-койку, остановили ход — хотя по-настоящему, конечно, остановиться не могли, все время двигались, такова уж природа пространства, в нем не бывает неподвижности и ничто никогда не прекращается, — отправили сообщение и стали ждать ответа с Земли. В этой точке задержка сигнала была на восемь минут — четыре на отправку, четыре на ответ, — но приходилось закладывать лишнее время на всякие аномалии. Мы отправили сообщение несколько раз, чтобы наверняка, и ждали, ждали... В конце концов нам велели продолжать: сказали, что мы не можем позволить себе остановку, и велели немедленно вернуть двигатели в нормальный режим. Все жизнеобеспечение на корабле на пьезоэлектричестве, заряжается от вибраций корпуса при работающем двигателе, чтобы не расходовать горючее, и чем дольше корабль неподвижен, тем меньше времени остается у жизнеобеспечения. Этот корабль строился для движения. Нам было веле-

но продолжать: мол, смерть Ванды не критична, — и мы повиновались — некоторое время. Квинну и Эмми это не понравилось: они спорили, добивались разворота. Я их поддержал, и, когда они сказали Гаю, что разворачивают корабль, разразился настоящий скандал. Квинн орал, ссылаясь на моральную сторону (погибли люди, мы им кое-чем обязаны) и на самосохранение (погибли люди, и может быть, не последние), а Гай вдруг ухвратился за стену и за сердце, стал драть грудь ногтями, колотил по ней, как колотят в драке в чужую грудь — натуральный сердечный приступ. В невесомости это смотрелось страшнее, чем при нормальной гравитации: в норме ждешь, что человек осядет на пол, а Гай, как волк из мультфильма, будто валился в пропасть, в падении хватаясь за грудь. Как сказала в тот вечер Эмми, утешая нас или пытаясь утешить, это бы и так могло случиться. А Гай был не в себе: принялся обвинять меня во всяком, превратился в параноика, что-то ему мерещилось. Никто не знает, что такое давление делает с человеческим телом, не говоря уж о мозге. Мы зашли туда, где раньше никто не бывал, и нам пришлось с этим смириться и двигаться дальше. Мы все были в форме, насколько это возможно: либо справимся, либо нет.

Квинн стал следующим, и с ним вышло почти забавно, как будто сцена из какого-нибудь пугающего телешоу, когда ждешь, что ведущий признается, мол, все это была подстроенная шутка. Он был вторым пилотом, но всегда называл себя сторожем.

«Мое дело — изредка нажимать кнопки», — сказал он мне на первом интервью. Я журналист, за тем меня и взяли: мое дело — документировать, снимать ролики,

описывать. Мы живем в интересное время, мы умеем запоминать навсегда, не то что во времена бумаги, которая выцветает, слоится и рвется. Данные живут вечно, и настала новая эпоха журналистики: эпоха сохранности. Перед отлетом все говорили, что мне могут дать Пулитцеровскую премию. Мое дело — описать приключения людей, зашедших туда, где никто еще не бывал. Материал для фильмов, книг и грез: человечество снова исследует неведомое, пересекает пустыни, добирается до полюсов, разведывает глубины. Мы делаем это потому, что можем, — это первая строка моей статьи. В фильме я свое имя вывожу на экран четвертым, после других действующих лиц. Я — мальчик на побегушках. Звезды: Арлен — его скорая смерть стала поразительным твистом, его роль почти эпизодическая — и Квинн, но лицо Квинна на постере самое крупное. Квинн красив и чертовски обаятелен. Он похож на принца или какого-нибудь арабского посла: темноволосый, с острым подбородком и водянисто-голубыми глазами — что удивительно при его происхождении. Предки Квинна — британцы со Шри-Ланки, но юность он провел большей частью в Калифорнии. У него был любопытный английский выговор, такой тягучий — он иногда перескакивал на него на заезженных фразах, когда просил чаю, сэндвич, надеть хоть какие-то штаны, а так говорил, как говорят на Западном побережье, гладко и быстро. Когда умер Квинн, я был снаружи — занимался проводкой в попытке справиться с компьютерами. Корабль не полагалось покидать поодиночке, но нас осталось мало. Пропала связь с центром управления, и мы запаниковали: пытались развернуть корабль,

а для этого надо было перехватить контроль систем, а для этого кое-что переналадить вне корабля, и еще компьютерную систему внутри. Когда я вернулся, Эмми рыдала — совершенно в истерике. Не успокоить. Слова не разбирал, но она рыдала безутешно, а Квинн лежал на полу, закатив глаза, и у головы скопилась кровь, потому что он упал — но двигатели не работали, и мы не двигались, и гравитация, сколько ее было, сделала свое дело: он неудачно ударился головой о стену — ужасная случайность, такое могло случиться с кем угодно, а я не мог добиться от Эмми, чтобы попыталась его спасти, — она только визжала. Я заглянул ей в глаза — ничего живого. Честное слово, это было страшно. У нее руки были в крови, и выглядело это... или могло бы выглядеть, будто это ее рук дело, но она не отвечала на вопросы, и должен же я кому-то верить. Никуда не денешься. Я навел порядок и снова включил двигатели. Тело перевалил в стазис-койку (вы когда-нибудь пробовали переносить тело в условиях микрогравитации? Оно парит, вихляется и неизбежно налетает на вас, и вы готовы забыть, что это тело: остается масса и форма, но веса в нем) и загерметизировал, как остальные, оставив подглядывать сквозь стекло, пока не вернемся домой. Все они выглядели спящими, кроме Ванды — у той глаза были в крови. Не знаю, почему мы не вытерли кровь, прежде чем уложить ее спать. И вот осталось двое. Последней — кроме меня, если я тоже умру, — стала Эмми.

Эмми умерла — я пишу так, хотя, может, все не так плохо, может, еще что-то можно сделать — через считанные часы после Квинна. Мы почти не разговаривали, потому что с ней что-то творилось, думаю, с пси-